

Мир науки. Социология, филология, культурология <https://sfk-mn.ru>
World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies

2023, Том 14, № 4 / 2023, Vol. 14, Iss. 4 <https://sfk-mn.ru/issue-4-2023.html>

URL статьи: <https://sfk-mn.ru/PDF/57FLSK423.pdf>

5.9.1. Русская литература и литературы народов Российской Федерации (филологические науки)

Ссылка для цитирования этой статьи:

Хабунова, Е. Э. Вербальное воплощение мотива «чудесное исцеление» богатыря в калмыцком героическом эпосе «Джангар» и в алтайском эпосе «Янгар» / Е. Э. Хабуннова, Т. М. Садалова, Б. В. Эльбикова // Мир науки. Социология, филология, культурология. — 2023. — Т. 14. — № 4. — URL: <https://sfk-mn.ru/PDF/57FLSK423.pdf>

For citation:

Khabunova E.E., Sadalova T.M., Elbikova B.V. Verbal embodiment of the hero's «miraculous healing» motif in the Kalmyk heroic epic «Dzhangar» and in the Altai epic «Yangar». *World of Science. Series: Sociology, Philology, Cultural Studies*. 2023; 14(4): 57FLSK423. Available at: <https://sfk-mn.ru/PDF/57FLSK423.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.)

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда проект № 23-28-00336

УДК 82-131

Хабуннова Евдокия Эрендженовна

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», Элиста, Россия
Профессор

Доктор филологических наук, доцент

E-mail: khabunova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2113-6877>

РИНЦ: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=463557

SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=56712924500>

Садалова Тамара Михайловна

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», Элиста, Россия
Профессор

Доктор филологических наук

E-mail: sadalova-t@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7984-2379>

Эльбикова Бальзира Вячеславовна

ФГБОУ ВО «Калмыцкий государственный университет имени Б.Б. Городовикова», Элиста, Россия
Специалист

Кандидат филологических наук

E-mail: elbikova91@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1491-9961>

**Вербальное воплощение мотива «чудесное исцеление»
богатыря в калмыцком героическом эпосе «Джангар»
и в алтайском эпосе «Янгар»**

Аннотация. Описание чудесного исцеления героя является одним из важных эпизодов эпического повествования. Будучи сходными по своему содержанию и зачастую различными в плане выражения, они передают «реальную данность фольклорного произведения», которая передается через мотив. Посредством мотива исцеления в калмыцком эпосе «Джангар» и в алтайском «Янгаре» отображается один из переломных и драматичных моментов богатырского сражения или иных коллизий эпических героев, в контексте которых проявляются особые качества, исключительные способности богатыря.

Содержание ядерной части мотива (инварианта) в рассматриваемых эпосах в общих чертах выглядит типичной: эпический герой за пределами своей ойкумены подвергается физической расправе, исцеляется, благодаря своим или чужим целительским способностям.

Исследование показало, что текстовое воплощение мотива исцеления в виде объемных описаний демонстрирует специфику эпических форм и многозначность его ключевых сегментов (опорных слов), которые в различной комбинации и формульной сочетаемости с другими вербальными компонентами создают «опорные понятийные узлы текста».

Анализ показал, что микроконстанты служат связующим звеном для отдельных элементов мотива и способствуют сохранению ядерной части типовых образований эпоса, тем самым тормозят процесс разрушения, трансформации эпического текста.

Установлено, что текстовое воплощение мотива «чудесное исцеление» в своем вариативном многообразии передает суть ситуаций, состояний, отношений, действий, локусов, предметов, характеристик, важных для понимания эпических событий и конфликтов, изображаемых в калмыцком эпосе «Джангар» и алтайском эпосе «Янгар», а также демонстрирует, как транслируются в национальных эпических традициях ключевые сегменты эпического нарратива, сохранившиеся в коллективной памяти народа.

Ключевые слова: эпос; «Джангар»; «Янгар»; мотив; вариант; исцеление; текст; опорное слово

Описание чудесного исцеления героя является одним из важных эпизодов эпического повествования. Как правило, оно состоит из ряда стереотипных сегментов, повторяющихся в разных нарративах в некоей последовательности. Будучи сходными по своему содержанию и зачастую различными в плане выражения, они передают «реальную данность фольклорного произведения» и являются той единицей, которой оперирует устная традиция, то есть мотивом.

Мотив является одним из проблемных предметов филологического исследования, ввиду его многоаспектности, сложности его текстовой реализации и невозможности четкого определения его морфологической структуры в фольклорных произведениях, в частности, в героическом эпосе. Определение статуса мотива не входит в задачу данного исследования, обзор исследований по данной проблеме хорошо представлен в работе И.В. Силантьева [1]. О противоречивости, возникающей при определении мотива, «трудноуловимую» особенность мотива при его текстовой реализации отмечал С.Ю. Неклюдов [2].

Стоит отметить, что мотив по-разному проявляет себя в различных жанрах фольклора, что создает определенные трудности для его определения и выявления из фольклорных текстов, фактурно отличающегося друг от друга, к примеру, мотив пира в народной песне не эквивалентен эпическому мотиву «богатырский пир» как в структурном плане, так и по своему семантическому содержанию. Древняя ритуально-мифологическая основа мотива пира, символизирующего единение за ритуальной пищей по мере своего развития, наполняется дополнительной семантикой: к примеру, в свадебной песне он манифестирует породнение двух родов, в эпическом контексте маркирует центрическую роль иерархической структуры в эпической модели мира (богатырский пир во славу победы во главе с ханом во дворце). То есть, по мере ослабления мифо-ритуального смысла мотива пира, его семантика становится более многозначной, чем просто выражение формы «социального общения». Мотив пира в эпосе выражает не только идею объединения социума, но и показывает иерархический статус богатырского пира в эпической модели мира, фиксирует пир во дворце, как место, где не только восхваляется мирная и счастливая жизнь, но и происходят столкновения разных интересов и противоречий.

Следовательно, отталкиваясь от основополагающих определений А.Н. Веселовского [3] и В.Я. Проппа [4], не исключавших двойственный характер мотива, его главенствующее смысловое и конструктивное свойство, в данном исследовании, посвященном изучению национальных эпических нарративов, мы будем учитывать многозначность и многоаспектность понятия «мотив».

Мотив является существенным содержательным и конструктивным элементом эпического сюжета, в котором доминирующая роль отводится описанию коллизий, в контексте которых проявляются особые качества, исключительные способности богатыря. Как отмечал Б.Н. Путилов, мотив «программирует и обуславливает сюжетное развитие», в нем «так или иначе задано это развитие» [5, с. 151]. Данный тезис дает основание допустить «порождающее» свойство мотива, его первичность в формировании различных вербальных комбинаций. В этой связи представляется актуальным изучение характера текстовой реализации мотива «чудесного исцеления» в эпических традициях народов, соседствовавших и тесно взаимодействовавших на протяжении нескольких столетий в едином социокультурном пространстве Центральной Азии, поскольку именно вербальное воплощение повторяемых элементов выпячивает ключевые моменты эпического повествования.

Мотив исцеления богатыря отличается постоянством в эпическом сюжете, изображающем как матримониальные, так и воинские коллизии эпических героев. Следовательно, мотив как константный сегмент эпического повествования может быть показательным в плане выявления особенностей национальных эпосов.

Посредством мотива исцеления в калмыцком эпосе «Джангар» и в алтайском «Янгаре» отображается один из переломных и драматичных моментов богатырского сражения или иных столкновений эпических героев.

Картина исцеления и оживления богатыря в рассматриваемых эпосах в общих чертах выглядит типичной: эпический герой за пределами своей ойкумены подвергается физической расправе, приводящей к состоянию, из которого он выбирается спустя некоторое время, благодаря своим целительским способностям или помощи другого персонажа. Таковым является содержание ядерной части мотива — инварианта, который в эпическом повествовании повторяется неоднократно, так как в ходе длительной борьбы с антагонистом герой не один раз получает увечья, нейтрализующие его физическую активность, не один раз умирает и воскресает, теряет разум, силы, затем вновь восстанавливается. Отдельных аспектов рассматриваемой проблемы касались исследователи, обращавшиеся к анализу элементов народной медицины, присутствующих в эпических нарративах тюрко-монгольских народов [6–10 и др.].

Детали истории умерщвления, получения увечья и исцеления, выраженные посредством вариантов мотива, могут быть показательными в плане выявления особенностей разностадиальных национальных эпосов, возможно, имевших общие корни, к каковым относятся калмыцкий эпос «Джангар» и алтайский эпос «Янгар». В таком аспекте мотив исцеления рассматривается впервые, что актуализирует важность анализируемой проблемы.

Изучая основные закономерности эпического творчества и развивая идеи В.М. Жирмунского [11] и В.Я. Проппа [4] о типологической преемственности, Путилов Б.Н. отмечал, что для обнаружения общих закономерностей фольклорист не обязательно должен «учитывать решительно всего океана материала», «закон выясняется постепенно» и вполне может оказаться результативным изучение «части фольклорного материала в целях получения общих, типовых видов» и, «если закон верен, то он будет верен на всяком материале, а не только на том, который включен» [5, с. 141–155].

Полагаясь на опыт Путилова Б.Н., обратимся к анализу эпического мотива исцеления в его текстовом воплощении.

Текстовая реализация мотива исцеления в эпическом нарративе получается довольно объемной за счет детализации ситуации, на фоне которой происходит исцеление.

Обратимся к анализу фрагментов эпических текстов «Джангара» и «Янгара», на наш взгляд, передающих ключевые моменты процесса исцеления богатыря (выделено жирным шрифтом).

Таблица 1

Калмыцкий эпос «Джангар»

Калмыцкий эпос «Джангар»	
<p>Жаңһр дүүгэд дордь оръндь тусвь. Барун ташани балвь тусад одвь. Үүдэгсен ольн бурхъдан дуудад Жаңһр кевтеве. Барун ташани өмкэрэд кевтеве. Аръ Бумбиин орни зүүден болад, Аръг Улан Хонһрни күсел болад кевтеве. Тииж бээхин алдъндь эре, эме хойр хулһнь күрэд ирве. Эме хулһньни кэлве: «Эне йике махън бээнэ, үүнэсе идеяе», — гиве. «Эре күүнэ үлгүр нэген бишейе, неге цагин зовлц үзж йовх күүн лүүвен һар бичэ күре», — гиид, һарад йовбъ. «Кий бээхе махнась эсе идэд, йуу идхеви? — гиид, Неге таслад авбъ. «Күүн муурхъла, хулһнь чиге дээсен болдыг йумьн луувън, -гиид, Шивэд оркъвъ. Хулһньнын барун ташани балвь тусад одвь. Эре хулһньни гүүһэд йовад одвь. Неге хонад, неге хамтхасе зууһад ирве. Хулһндан өгэд, хулһнан эдгәһэд авбъ. Бийән зовагсън элмерэсе ода неге иднэви, — гиид, ирэд идве. Хулһньнын барун ташаһини дэкен хамхълад, өөрән тэвэд суув <>. «Чама бичкэ иде гилуви!»- гиид, Дэкен гарад йовад одвь. Хойр хонад, нэге хамтхасъ авад ирве. Жаңһр булагад авад оркъвъ. Дэкэд гүүһэд һарад йовад одвь. Һорвь хонад, неге хамтхасе авад ирве. Жаңһр бас авбъ. <> Үүдэгсен ольн бурхъдан дуудад, Негиини жажлад, ташадан өсерве. Бүүрдэд одвь. Негиини жажлад, идад оркъвъ, Босад, гүүһэд гарвь <> Хонһран темцэд һарад йовбъ [12, с. 209–211].</p>	<p>Джангар провалился и вмиг оказался в нижнем мире. Его правое бедро раздробилось полностью. Джангар с мольбой обращается к божествам, которым обязан своим рождением. Его правое бедро стало загнивать. Страна Бумба стала казаться сновидением, богатырь Араг Улан Хонгор стал несбыточной мечтой. Так и лежал. Тем временем появились две мыши: муж и жена. Мышь самка говорит: «Здесь столько мяса, давай поедим». «У мужчин одна судьба, не дотрагивайся до человека, который попал в сложную ситуацию и терпит муки» — сказал и отошёл. «Если не съест свежего мяса, тогда что же есть?» — сказав так, откусила разок [мышка]. «Когда человек бессилён и мышшь становится ему угрозой» — подумал Джангар и отбросил мышку. От удара Джангара, у мышши-самки раздробилось правое бедро. Мышь-самец убежал куда-то. Через сутки возвратился с одним листочком в зубах. Отдает его своей мышшке и исцеляет её. Мышь-самка вновь пытается поживиться джангаровым мясом, в отместку за увечье и свои страдания. Джангар вновь сломал правое бедро мышши и положил её возле себя. Сказав: «Я же говорил: не ешь!», вновь отправился и через двое суток вернулся с одним листочком в зубах [мышшь муж]. — Джангар отнимает у него листочек. Вновь убежал и через трое суток вернулся с одним листочком в зубах [мышшь муж]. Джангар вновь забирает листочек. <> Джангар с мольбой обратился к божествам, которым обязан своим рождением, пожевал листочек, поплевал и приложил к своему бедру, оно срослось. Ещё одну пожевал и съел, встал и побежал. Устремился [на помощь] к богатырю Хонгору (Перевод Хабуновой Е.Э.)</p>

Из выделенных сегментов текста калмыцкого эпоса «Джангар» видно, что пострадавшим персонажем является ключевая фигура эпического повествования — Джангар, державный хан, что смертельно опасным локусом для него является подземный мир, что он владеет мистическими способностями исцеления (табл. 1).

Отмеченные детали передают специфику вариативных возможностей эпического мотива: смертельной опасности может подвергаться другой персонаж эпоса, гибельным может быть другое место, что целебным может оказаться другой способ или средство.

Для сравнения рассмотрим фрагмент текста алтайского эпоса «Янгар», в котором изображается исцеление девы-богатырки.

Таблица 2

Алтайский эпос «Янгар»

Алтайский эпос «Янгар»	
Иан'арчы деп Јараш кыс Эди-каны кугарып калган Кара-мама тармага бастырып, Калын' уйкудан' ойгонбойтыр. Темир-чоокыр силкинеле, Бүткүл бойы тура түшти. Алтын-мөн'үн бу Јүстүкти Азузыла капсыйла, Кыс Јүрегине Јапшырат. Калын' уйкуда Јан'арчы Ойгоно бербей канайтты. ... Јан'арчы деп Јараш кыс Арчымакты кодорып, Јан'ыс болчок курут Јиди, Бир тажуур сүтти болзо, Јан'ыс тынып ичип ийди. Аштаган курсагы тойып, Арыган сыны серий берди [13, с. 155].	У Янгарчы — красавицы девушки , Тело все высохло, побледнело , оказывается [в подземном мире], Черным заклятьем объятая, Из глубоко сна она так и не проснулась . Темир-Чоокыр (конь) отряхнувшись, В полный рост самим собой предстал. Золотосеребряное кольцо , Клыками зажав, Приложил к сердцу девушки. От глубокого сна Янгарчы Проснулась теперь, оказывается... ...Янгарчы — красавица девушка, Открыв переметную суму, Один круглый курут съела , Один тажур же молока , Одним залпом выпила . Изголодавшаяся, насытилась , Уставшее тело ее освежилось (Перевод Садаловой Т.М.)

Сравнительный анализ показывает, что в алтайском эпосе «Янгар» в нижнем мире оказывается дева-богатырка Янгарчи, поспешившая на помощь своему брату Янгар батыру. Усохшую и обессилевшую Янгарчы, уведенную при помощи черного заклатья в подземный мир, из состояния забытья выводит конь брата Янгара. Исцеляющим свойством обладает волшебное золотое кольцо Земли — Пуповины-Матери. В тексте упоминаются и мистические способности самой девы-богатырки: она обретает былую силу, употребив в большом объеме обычные продукты — сушеный сыр — *курут*, *сосуды* молока (табл. 2).

Если мотив-инвариант указывает на черты, характерные для эпоса в целом, в том числе и центральноазиатской эпической общности, то его варианты передают отличительные особенности национального эпоса, сообщают о деталях, присущих той этнической культуре, быту, верованиям, на фоне которых формируется и развивается эпическая традиция.

Так, образ земной девушки, попавшей в нижний мир и там оказавшей помощь богатырю, встречается и в калмыцком эпосе «Джангар», однако она не подвергается физическому истязанию и не преодолевает испытания и трудности, свойственные алтайской деве-богатырке, зачастую выполняющей функции своего брата-богатыря Янгара. С мольбой об исцелении к своим небесным покровителям обращаются эпические персонажи обоих эпосов, вместе с тем в эпическом тексте объекты культа являются различными.

Из контекста эпического повествования следует, что целебный листочек и ритуал с заклинаниями, используемые Джангаром, тесно связаны с буддийской ритуальной практикой (табл. 3).

Таблица 3

Калмыцкий героический эпос «Джангар»

Калмыцкий героический эпос «Джангар»	
<p>Һалвр зандын модын бээнэ. Хойр хамтхаснь харһхларһн, олон хувьргудын дун гарад бээнэ < > Тере ацась хөрн хамтхась авад даһмнъвь. Жаңһър <> Арыг Улан Хоңһриини Эмнег цаһан ясиини авад, Эв-эвтени тальвад, «Һалвр зандын модһни Эрдени хамтхась мөн болхһни, Арыг Улан Хоңһри мини эдгэжи ацъ!» — гиһэд, жажлад өсрэд оркъвь. Бүрдэд одвь. Дэкен неге өсрэд оркъвь. Унтгысын Улан Хоңһър болад бэеве. Амьндһни нэге хамтхась дүржи оркад < > «Күүн ииме удан унтгыдыг йумһн санжи луувһн! — гиһид, Хоңһър босвь» [12, с. 213]</p>	<p>Увидел священное сандаловое дерево. Его листья при соприкосновении издают звуки молитв буддийских монахов. Сорвал двадцать листьев с того дерева и положил в карман. Собрал и разложил аккуратно по порядку белые кости богатыря Хонгора, произнёс заклинание: «Если ты действительно являешься драгоценным листочком волшебного сандала, помоги исцелить моего Хонгора!» и, разжевав драгоценный листочек, сплюнул на кости, они вмиг соединились, ещё раз окропил кости разжеванным листочком, кости преобразились в спящего Хонгора. Когда он один листочек положил ему в рот, богатырь Хонгор проснулся со словами: «Целую вечность может проспать человек, оказывается!» (Перевод Хабуновой Е.Э.).</p>

История исцеления богатыря Янгара, раненого отравленной стрелой, и «возвращения» души богатыря Чагата в алтайском эпосе «Янгар» связаны с духом земли — покровительницы героев — Земли — Пуповины Матери (табл. 4). Предметы, наделяемые в эпосе «Янгар» магической силой (золотосеребряное кольцо, ножик с золотой рукояткой, белая шаль), ритуальные атрибуты (можжевелик для окуривания, лекарственные травы, живая вода) также связаны с духом Земли — Пуповины Матери.

Таблица 4

Алтайский героический эпос «Янгар»

Алтайский героический эпос «Янгар»	
<p>Гер-Киндиги энези Чагат-баатырдын' эмди Сол будынын' Чой таманду өдүгинин' Чой таманын кодорот. Алтын сапту тон'ракты Чагат-баатырдын Һүрегине Һаба тудуп ийеле, Чой таманду өдүктин' Чон'чойына эптей тудуп, Чой таман Һик Һок эдип Һапшырала, Һакып айдат: «Сенин тынын' бу болор» — дейт [13, с. 156].</p>	<p>Земли — Пуповины мать Чагат-батыра теперь Левой его ноги С чугунной подошвой обуви Чугунную подошву сдирает. С золотой рукояткой складничок — ножичек Чагат-батыра к сердцу Приложив, К обуви с чугунной подошвой К пятке прилаживая, Чугунную подошву без шва Приклеив, наказывает: «Твоей душой это будет» — сказала (Перевод Садаловой Т.М.)</p>

В эпическом тексте иногда трудно очертить рамки, определить границы изображаемого события и увидеть значимость детали в дальнейшем развитии событий. Так, чудодейственные свойства и роль предмета (листочек, кольцо), упомянутого в самом начале описания разворачивающихся событий, в анализируемых эпосах уточняются в последующих эпизодах.

Детали находят свое вербальное воплощение в отдельных словах и словосочетаниях, отличающихся константностью в эпическом нарративе. Эти «микрoконстанты» (определение В.М. Гацака) обеспечивают сохранность ключевых смыслов, знаковых явлений на вербальном уровне и служат маркером распознавания однородных явлений в разных фольклорных традициях, в данном случае мотива чудесного исцеления в эпосе калмыков и алтайцев.

Таблица 5

Калмыцкий героический эпос «Джангар»

Калмыцкий героический эпос «Джангар»	
«Зуу Шагжимунин арвньльгсгын зокасть сээхен эмниге шархь шавь хойр деерни асхад, агчимин түдүде эдгәһэд авбь» [12, с. 294].	Исцелил, осыпав раны и болячки подходящим, прекрасным, вмиг исцеляющим, освященным божественным Шакьямуни лекарство .
«Алдър нойн богдъ Жаңһрни эдстә бурхһни хээрлегсен эрүн цаһан эмән амьн хамър хойрһтһни асхад кеһэд, агчим зуурь эдгәһэд авбь» [12, с. 295–296].	Вылечил, залив ему в рот, в нос белое лекарство , вмиг исцеляющее, освященное благословенным бурханом.
Үд түүд күрдгд уга үйн цаһан эмиг кеһэд, хонг түүд күрдгд уга хөн цаһан эмиг тэвэд, эдгәһэд авб [12, с. 294].	Исцелил, приложив лекарство , <i>белое как горностай и исцеляющее до полудня</i> , приложив лекарство , <i>белое, как овца, и исцеляющее в течение суток</i> . (Перевод Хабуновой Е.Э.)

Приведенные выше примеры демонстрируют многообразие вариантов мотива исцеления в калмыцком эпическом нарративе, скрепленных словом ‘эм’ лекарство (табл. 5). В каждом отдельном случае лекарство ‘эм’ наделяется различными эпитетами, характеризующими его лечебные свойства и разнообразие форм его применения. То есть одно «опорное слово» привязывает в единый «пучок» все остальное. Эти повторяющиеся обозначения в своей формульной сочетаемости создают «опорные понятийные узлы текста» [14, с. 23]. «Этнопоэтическая константа» просматривается в эпосе на всех уровнях (макро и микро), она «не обладает ореолом законченной очерченности» и позволяет рассмотреть в одном аналитическом поле эпические слагаемые разной величины, широкий спектр «слов в их устоявшихся сочетаниях и связях», которым присущи как формульные рамки, так и «подвижность очертаний» [15, с. 5].

Константный характер опорных слов способствует выявлению вербального сходства как объемных описаний, так и формульных образований в эпосе родственных монгольских народов — ойратов Западной Монголии и Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая и других (табл. 6).

Таблица 6

Синьцзян-ойратский эпос «Джангар» и Монголо-ойратский эпос о Жангаре

Синьцзян-ойратский эпос «Джангар»	
Үдт күрдгд уга үйн цаһан эмиг кеһэд, хонгт күрдгд уга хөн цаһан эмиг тэвэд, мөңкин аршанас амнднь аршалулад, билгин аршанас һар нүүринь уһаһад, алдр нойн Жаңһрнь Хурмст Теңгрәс аршан билгин хуриг өдр сө арви дөрви цагт орулад оркснд, Аср Улан Хонһр: «Эн ямр удан унтгсн санжв!» — гиһэд босв. [16, с. 767–769].	Полил белое, как горностай, лекарство , <i>исцеляющее до полудня, приложил белое, как овца, лекарство, исцеляющее в течение суток</i> , дал попить вечно животворную воду, промыл его лицо целебной водой, вымолил у Хурмусты Тенгрия исцеляющий благодатный дождь, который продолжался четырнадцать дней непрерывно, после чего Хонгор пришёл в себя и произнёс: «Как же долго я спал!»
Монголо-ойратский эпос о Жангаре	
Үд хүрдэггүй этгээдэг үнэгэн цагаан эм , хоног хүрдэггүй этгээдэг хонин цагаан эмийг алтан мөнгөн хайрцагаас аваад, хийгээд < > нэг ч цэрэг үлдсэнгүй, нэг ч баатар үлдсэнгүй, бугдийг сэргээн босгосонд: « Би ясан их унтсан билээ. Би ясан их унтсан билээ » — гээд, гэр гэртээ харихыг үзэв л гинэ. [17, с. 99].	Вынул из шкатулки (изготовленного из золота и серебра) исцеляющее до полудня белое, как горностай, лекарство, исцеляющее в течение суток белое, как овца, лекарство < > полил им всех, не оставив ни одного богатыря, ни одно войско. Все очнулись, и со словами: «Как долго я спал. Как долго я спал» отправились по домам (Перевод Хабуновой Е.Э.).

Обозначенная микроконстанта 'эми' (алт. лекарство) встречается в алтайском «Янгаре» также в контексте реализации мотива исцеления, но в сочетаемости с другими вербальными компонентами наполняется другим смыслом: оно манифестирует многообразие целебных растений Алтая и животворную силу Земли — Пуповины Матери (табл. 7).

Таблица 7

Алтайский героический эпос «Янгар»

Алтайский героический эпос «Янгар»	
Гердин' Үетен Үзүн эми деп Үаба салып тан'ып ийет. Тынду суудан' ичиреле, Ак арчуулын алала, Ары-бери үстине Үан'ыырда, Чагат-баатырдын' эди-каны Толу бүткүл боло берет <> Үер-Киндиги энези Мыны уккан бойынча, Эм-томын Үазап ийет, Ак-кайанын' арчынын алып, Үаларлу отло күйдүреле, Аластап ийбей канайтты. Үан'арчы уйкудан' ойгонот... [13, с. 155].	«Земли семьдесят разных лекарств», — говоря, Прикладывая, перевязывает. Живой водой напоила... “Белую шаль взяв, Туда-сюда сверху помахала, Чагат-батыра тело и кровь Обновились <> Земли-Пуповины мать Лекарство-снадобье стала готовить, Белой скалы можжевательник сорвала, С пламенем огонь разожгла, Окурила ее, оказывается. Янгарчы, будто со сна пробудилась, Лекарством-снадобьем ее мать стала лечить... (Перевод Садаловой Т.М.)

Исследование показало, что мотив исцеления в калмыцком эпосе «Джангар» и алтайском эпосе «Янгар» является неотъемлемой частью эпического повествования и передает накал одного из переломных и драматичных событий, изображаемых в нём.

Текстовое воплощение мотива исцеления в виде объемных описаний демонстрирует специфику эпических форм и многозначность его ключевых сегментов, которые в различной комбинации и формальной сочетаемости создают «опорные понятийные узлы текста».

Анализ текстовых воплощений мотива исцеления в рассмотренных эпосах, показывает, что микроконстанты («опорные слова») служат связующим звеном для отдельных элементов мотива и способствуют сохранению ядерной части типовых образований, тем самым тормозят процесс разрушения, трансформации эпического текста.

Установлено, что мотив «чудесное исцеление» в своем вариативном многообразии передает суть ситуаций, состояний, отношений, действий, локусов, предметов, характеристик, важных для понимания эпических событий и конфликтов, изображаемых в калмыцком эпосе «Джангар» и алтайском эпосе «Янгар», а его текстовое воплощение демонстрирует, как транслируются в национальных эпических традициях ключевые сегменты эпического нарратива, сохранившиеся в коллективной памяти народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Силантьев И.В. Поэтика мотива / Отв. ред. Е.К. Ромодановская. М.: Языки славянской культуры, 2004. 296 с.
2. Неклюдов С.Ю. Мотив и текст. Язык культуры: семантика и грамматика. К 80-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого (1923–1996). Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик, 2004. С. 236–247.
3. Веселовский А.Н. Историческая поэтика. Л.: Гослитиздат, 1940. 648 с.

4. Пропп В.Я. Морфология сказки. Л.: Академия, 1928. 151 с.
5. Путилов Б.Н. Мотив как сюжетобразующий элемент // Типологические исследования по фольклору. Сборник статей в память В.Я. Проппа. Сост. и ред. С.Ю. Неклюдов, Е.М. Мелетинский. М.: Наука, 1975. С. 141–155.
6. Горяева Б.Б. Традиции народной медицины в мотивах волшебной сказки калмыков [Электронный ресурс] // Новые исследования Тувы. 2018, № 4. URL: <https://nit.tuva.asia/nit/article/view/812>. DOI: 10.25178/nit.2018.4.9.
7. Содномпилова М.М., Гымпилова С.Д. Лечебные приемы и атрибуты лекарей в эпических произведениях тюрко-монгольских народов: к истокам целительских практик // Традиционная культура. 2021. Т. 22. № 4. С. 112–122. DOI: <https://doi.org/10.26158/TK.2021.22.4.009>.
8. Паштакова Т.Н. Архаический сюжет о брате и сестре в алтайском и бурятском героических сказаниях. // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. Элиста, 2020, № 1. С. 104–112.
9. Садалова Т.М., Паштакова Т.Н. Аспекты реконструкции сюжетного состава алтайского эпоса "Янгар" в контексте алтайских сказаний // Эпосоведение. 2022. № 4(28). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/acpekty-rekonstruktsii-syuzhetnogo-sostava-altayskogo-eposa-yangar-v-kontekste-altayskih-skazaniy> (дата обращения: 29.12.2023).
10. Хабунова Е.Э., Дампилова Л.С., А. Алимаа. Мотив «богатырский поединок (сражение)» и его вариативный ряд в эпосах монгольских народов // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 3. С. 779–789. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-49-3-779-78.
11. Жирмунский В.М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 726 с.
12. Джангар. Калмыцкий героический эпос. Тексты 25 песен: в 2-х т. / сост. А.Ш. Кичиков. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1978. Т. 1. 441 с.
13. Янгар. Алтайский героический эпос. Т. 2 / На алтайском яз. Сказитель Н.К. Ялатов. Горно-Алтайск: Горно-Алтайское книжн. изд-во «Уч Сумер», 2002. 320 с.
14. Гацак В.М. Этнопоэтические константы северно-русских и белорусских плачей: опыт систематизации / Фольклор. Традиция и эксперимент. Сост. В.М. Гацак. Отв. Ред. В.Л. Кляус, Е.В. Минёнок. М.: ИМЛИ РАН. 2018. С. 23–92.
15. Хабунова Е.Э. Героический эпос «Джангар»: поэтические константы богатырского жизненного цикла (сравнительное изучение национальных версий). Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2006. 256 с.
16. Джангар. Героический эпос синьцзянских ойрат-монголов. На калмыцком языке. / В 3-х томах. Т. 1. Элиста: АПП «Джангар», 2005 г. 856 с.
17. Аман зохиол судлал. Составитель и автор предисловия У. Загдсурэн. Улаанбаатар, 1977. 234 с.

Khabunova Evdokia Erendzhenovna

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia
E-mail: khabunova@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2113-6877>

RSCI: https://elibrary.ru/author_profile.asp?id=463557

SCOPUS: <https://www.scopus.com/authid/detail.url?authorId=56712924500>

Sadalova Tamara Mikhailovna

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia
E-mail: sadalova-t@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7984-2379>

Elbikova Balzira Vyacheslavovna

Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov, Elista, Russia
E-mail: elbikova91@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1491-9961>

Verbal embodiment of the hero's «miraculous healing» motif in the Kalmyk heroic epic «Dzhangar» and in the Altai epic «Yangar»

Abstract. The description of the hero's miraculous healing is one of the important episodes of the epic narrative. Being similar in their content and often different in terms of expression, they convey the «real reality of a folklore work», which is conveyed through the motive. Through the healing motif, the Kalmyk epic «Dzhangar» and the Altai «Yangar» depict one of the turning point and dramatic moments of a heroic battle or other collisions of epic heroes in the context of which the special qualities and exceptional abilities of a hero are manifested.

The content of the nuclear part of the motif (invariant) in the epics under consideration in general terms looks typical: the epic hero, outside his ecumene, is subjected to physical harm, healed thanks to his own or someone else's healing abilities.

The study showed that the textual embodiment of the healing motif in the form of voluminous descriptions demonstrates the specificity of epic forms and the ambiguity of its key segments (support words), which in various combinations and formulaic compatibility with other verbal components create «support conceptual nodes of the text».

The analysis showed that microconstants serve as a connecting link for individual elements of the motif and contribute to the preservation of the nuclear part of the typical formations of the epic, thereby inhibiting the process of destruction and transformation of the epic text.

It has been established that the textual embodiment of the «miraculous healing» motif in its variable diversity conveys the essence of situations, states, relationships, actions, loci, objects, characteristics that are important for understanding the epic events and conflicts depicted in the Kalmyk epic «Dzhangar» and the Altai epic «Yangar», and also demonstrates how key segments of the epic narrative, preserved in the collective memory of the people, are translated in national epic traditions.

In this aspect, the analyzed problem is considered for the first time.

Keywords: epic; «Dzhangar»; «Yangar»; motive; variant; healing; text; reference word